

Ничто в течение следующих нескольких недель не могло отвлечь внимание Гарри от Цербера и того, что лежало под дверью ловушки. Рон велел ему забыть об этом, в

то время как Гермиона сказала, что у Дамблдора должна быть веская причина для того, чтобы позволить такому существу войти в школу, но это не помогло. Все, что

там было внизу, должно быть важным, и Гарри было ясно, что кто-то преследует то, что было. Сцена, свидетелем которой он стал между Снейпом и Квирреллом, была

слишком случайной для Гарри. Его первой мыслью было то, что Снейп пытался украсть его и запугивал Квиррелла, чтобы тот помог ему, но у него не было никаких доказательств. Снейп был, конечно, вероятным персонажем — мрачным, импозантным, недружелюбным и иногда откровенно страшным — но ничто из того, что Гарри

видел, не предполагало, что он был преступником или злом в некотором роде. Кроме того, Дамблдор доверял ему настолько, что поручился за Снейпа после последней войны. Корнелиус рассказал ему об этом после того, как он написал домой о том, как Снейп относился к нему в начале года. Он не сказал, что сделал Снейп, чтобы нуждаться в ком-то таком могущественном и уважаемом в их обществе, чтобы гарантировать его невиновность, но он сказал Гарри, что независимо от

того, каким учителем он был, если бы великий Альбус Дамблдор доверял ему, то в этом человеке не могло быть ничего по-настоящему злого. Гарри не был уверен, верит ли он в это, но доверия Дамблдора к Снейпу было достаточно, чтобы Гарри дал ему преимущество сомнения. По крайней мере, пока.

Январь уступил место февралю, и все же Гарри не был ближе к раскрытию правды. Он знал, что сводит Рона и Гермиону с ума, и поэтому он не говорил им, когда пробирался под плащ-невидимку ночью. Он был уверен, что они знают, но, поскольку ни один из них ничего не сказал, он последовал их примеру и сам использовал

заклинание Гермионы, чтобы пройти мимо Толстой Леди. Именно во время одного из таких ночных блужданий Гарри вошел в камеру недалеко от библиотеки, которую

он не помнил раньше. Внутри было одинокое зеркало, в котором даже не было стола или стула, чтобы сопровождать его. Гарри с любопытством подошел к зеркалу, увидев, как появилось его отражение, когда он снял плащ. Он на мгновение уставился на себя, удивляясь, почему такое большое богато украшенное зеркало находится в пустой комнате в дальнем углу замка. Однако он недолго оставался один, по крайней мере, не в зеркале. Две фигуры материализовались по обе стороны

от него, и Гарри мгновенно узнал их. — Мама? Он дышал, глядя на женщин глазами, такими похожими на его собственные. — Папа? Мужчина улыбнулся. Корнелиусу и Алдоре удалось собрать книгу фотографий его родителей от людей, которые их знали, которую они подарили ему всего через месяц его жизни с ними, когда они поняли, что он никогда раньше не

видел фотографий своих родителей. Он смотрел на эти фотографии так много раз, что, вероятно, мог узнать их лучше, чем он сам. — Но что...? Гарри оглядел

комнату, ища источник этих изображений, но ничего не нашел. Тогда он понял, что здесь действует какая-то магия, хотя он понятия не имел, что именно. Гарри

сидел и смотрел на своих родителей в течение некоторого времени после того, как он

попытался поговорить с ними и быстро понял, что они не могут ответить. Остаток ночи он провел, просто сидя там с родителями, вернувшись в общежитие только за час до восхода солнца. Он не сказал Рону и Гермионе, что он нашел, хотя часть его хотела познакомить их со своими родителями. Он был достаточно умен, чтобы знать, что любая магия, действующая здесь, была просто иллюзией и

никоим образом не была реальной. Однако это не помешало ему возвращаться туда каждую ночь на той неделе. — Снова, Гарри? Гарри подпрыгнул на голос и повернулся лицом к директору. Он не слышал, чтобы дверь открывалась, и вообще не осознавал, что он не один, настолько он был поглощен зеркалом. «Я вижу, что вы, как и многие до вас, открыли для себя прелести Зеркала Эриседа. Я верю, что к настоящему времени вы

понимаете, что он делает».

«Это показывает нам иллюзию чего-то важного для нас». Он был так счастлив, увидев своих родителей, что не слишком много думал о зеркале или магии, стоящей

за ним, хотя он так много работал.

"Да... и нет». Гарри был в замешательстве. «Это показывает нам не что иное, как самые глубокие и отчаянные желания наших сердец». Это имело смысл. Хотя несколько лет назад его забрали из дома его жестокой тети и дяди и проявили доброту и даже любовь в определенной степени, он все еще тосковал по своим

родителям и дому, который они должны были иметь вместе, если бы не та роковая ночь. Это была единственная вещь, которую он понял, что у него никогда не будет, и это заставило его сердце болеть из-за этого еще больше из-за этого.

«Я думаю, что это имеет смысл». Он ответил Дамблдору.

«Да, но помните об этом, Гарри: это зеркало не дает нам ни знания, ни истины. Люди растрчивались перед ним и даже сходили с ума». Вроде как и он, Гарри понял. Это была четвертая ночь подряд, когда он терял сон только ради возможности снова взглянуть на своих родителей. «Именно поэтому завтра его переведут в новый

дом. И я должен попросить вас, чтобы вы больше не искали его». Гарри посмотрел на Дамблдора. В его голосе было что-то, что говорило о большем, чем просто желание спасти Гарри и других студентов от слишком частого взгляда в зеркало. Гарри сразу же подумал о своей другой одержимости и решил проверить эту воду. Дамблдор, без сомнения, знал бы все о Цербере и двери ловушки. Даже если бы Гарри был задержан, это стоило бы того, чтобы получить любую информацию, которую директор мог бы пропустить.

«Это потому, что он спускается в дверь ловушки, в комнате, которую Цербер охраняет на третьем этаже?» Глаза Дамблдора вспыхнули мерцанием чего-то — гнева, страха, Гарри не мог сказать — когда они вонзались в него сверху полумесячных зрелищ. — Вы побывали на третьем этаже?

«Не специально». Он сказал, что идет в основном с правдой, хотя он не собирался втягивать в это своих друзей. «Однажды ночью я немного опоздал с выходом из библиотеки и вышел после комендантского часа. Миссис Норрис нашла меня и начала следовать за мной. Я не хотел задержания, поэтому я побежал. Я не понимал, что побежал прямо на третий этаж, пока не увидел Цербера в комнате, в которой прятался». Дамблдор продолжал смотреть на него, и Гарри задавался вопросом, может ли он сказать, что он лжет, хотя важная часть о том, как он

нашел трехголовую собаку, была одинаковой; это был несчастный случай, в конце концов, он, Рон и Гермиона не собирались идти на третий этаж.

«Я верю, что ты будешь дискретно относиться к тому, что ты нашел, Гарри». — сказал Дамблдор со вздохом. «Есть причина, по которой третий этаж запрещен в этом

году, и это не поможет некоторым людям получить ветер от того, что там внизу». Гарри знал, что это все, что Дамблдор скажет без дальнейших подсказок. Он

присутствовал на нескольких визитах, которые Корнелиус нанес Дамблдору на протяжении многих лет. Нынешний министр магии начал свое пребывание в должности

совершенно неуверенно в своем положении и часто обращался за советом к великому Альбусу Дамблдору. Он все еще это делал - хотя и в меньшей степени с тех пор, как Люциус Малfoy завладел им - и поэтому Гарри встретил директора школы до приезда в Хогвартс и знал, что если и есть что-то, в чем Дамблдор был хорош,

так это не делиться информацией. Конечно, Гарри умел нажимать правильные кнопки, чтобы получить от него больше информации.

«Конечно, директор школы». Он сказал. «Хотя я должен спросить, знает ли министр о том, что скрыто в замке? Только я не могу себе представить, что он это делает, понимаете. Спрятать опасное существо в комнате, в которую может попасть первый год? И, как вы сказали, есть определенные люди, которые не должны получать в

свои руки то, что там скрыто. Насколько трудно будет этим людям отследить его до Хогвартса? Разве они не попытаются достичь этого, что может подвергнуть опасности каждого ученика в школе?» Он лежал немного толстым, он знал, но ему нужно было знать, что там внизу. Все тезисы, которые он только что сделал, были

действительными, и после того, как Дамблдор подтвердил, что в двери ловушки что-то находится под угрозой, что могут хотеть опасные люди, его собственная безопасность и безопасность его друзей оказались под угрозой. Гарри поклялся четыре года назад, что он никогда не позволит никому другому контролировать его жизнь, и пока он не узнал, что скрывает Дамблдор, он не мог решить, может ли он оставить ее защищенной как есть, или ему нужно что-то с этим сделать. Дамблдор

еще раз вздохнул, и Гарри понял, что не сказал об этом министру.

«Все, что я скажу, Гарри, это то, что никто не знает, что он здесь, и он скоро исчезнет. Я просто временно держу его для моего старого друга». Ответ без реального

ответа, это было то, в чем Дамблдор был хорош. С другой стороны, манипулирование взрослыми было чем-то, в чем Гарри был хорош, и было ясно, что Дамблдор не

хотел, чтобы министерство знало о том, что он скрывает. Гарри на мгновение задумался о том, как сильно он должен толкать Дамблдора, зная, что он может довести

дело до конца, и Корнелиус поспешит в школу, требуя ответов, но сейчас, возможно, не лучшее время, чтобы разыграть эту карту. — Какой друг, профессор? Дамблдор посмотрел на него мгновение, решив, должен ли он отдать этот кусочек информации.

«Николас Фламель». Он сказал, наконец, ясно решив, что дать Гарри столько времени ничего

не повредит. Даже если Гарри удалось исследовать все о жизни Николаса и прийти к правильному выводу о том, что было скрыто, он ничего не мог сделать с этой информацией, поэтому знать Гарри правду было совершенно безобидно.

"Николас Фламель..." Гарри, по-видимому, не знал этого имени, и Дамблдор немного расслабился.

«Теперь ложись спать, Гарри». Он закончил разговор. «Не болтайся». Гарри кивнул, выскользнув из двери, прежде чем снова надеть плащ и вернуться в общежитие, его голова полна мыслей о Николасе Фламеле.

«Николас Фламель? Кто такой Николас Фламель?» — спросил Рон на следующее утро. Гарри, наконец, рассказал своим друзьям о своих ночных странствиях и, конечно же, о своей встрече с Дамблдором.

«Вы понимаете, что практически угрожали учителю?» Гермиона была гораздо более расстроена этим фактом, чем ей было любопытно, кто такой Николас Фламель. "И

не просто учитель, а директор школы!" Гермионе казалось непостижимым, что кто-то будет угрожать учителю.

«Я знаю, и я обещаю не делать этого снова». Гарри отмахнулся от ее беспокойства. «На этой неделе». Гермиона посмотрела на него, но он увидел подергивание ее рта, которое опровергало ее желание улыбнуться. Он может угрожать учителям, но он не будет лгать ей. «Так как же нам узнать, кто такой Николас Фламель?» Это были исследования, которые им нужно было сделать, поэтому, конечно, он нуждался в Гермионе для этого.

«Я слышал это имя раньше, но не могу вспомнить, где». Она сказала. «Нам, вероятно, было бы лучше посмотреть все, что мы можем, на профессора Дамблдора. Если

я слышал это имя раньше, то он, вероятно, каким-то образом хорошо известен, и если он и профессор Дамблдор друзья, то они, вероятно, будут упомянуты где-то

вместе».

«Бьет, начиная поиск кого-то, о ком мы ничего не знаем». Рон пожал плечами в знак согласия, и Гарри тоже кивнул.

«Хорошо. Тогда давайте перейдем к -"

"Библиотека". Гермиона взглянула, но два мальчика только усмехнулись, когда они вышли из Большого зала. Они искали весь день и не нашли ничего полезного. Поскольку они делали что-то, о чем они не хотели, чтобы кто-то еще знал, или чтобы до Дамблдора дошла информация о том, что они ищут информацию о его друге, они не могли точно попросить мадам Пинс о помощи, поэтому Гермиона должна была найти книги, которые они могли бы просмотреть. Прошла неделя без результатов, и они начали впадать в уныние; У Гермионы было только еще две книги, которые они могли просмотреть. Однажды поздно вечером они были в общей комнате, когда у них закончились тексты, подчеркнутые Гермионой, захлопывающей книгу.

«Мы просмотрели каждую книгу, которую я могу придумать, в которой может быть какое-либо упоминание о Дамблдоре, и ничего!» — разочарованно сказала она.

«Может быть, он не знаменит, как вы думали». — сказал Гарри.

«Но я знаю, что где-то читал это имя!»

«Давайте просто ложимся спать». Рон проворчал. У него болел живот от всех сладостей, которые он ел, пока Гарри и Гермиона перебирали последние две книги. Теперь им больше нечего было делать, они согласились, и они начали убирать. Гарри собирал все шоколадные лягушачьи карты, которые Рон не хотел, когда одна из них попала ему на глаза: Дамблдор только что вернулся на картинку на своей лягушачьей карточке. Думая, что это жаворонок, что карточка шоколадной лягушки, из всех вещей, была единственной вещью в директоре, которую они не читали на прошлой неделе, Гарри перевернул карточку и прочитал кусочек на обороте, только

он больше не думал, что это жаворонок.

«Ребята, вот!» Он позвонил, и Рон и Гермиона бросились к нему.

"Считающийся многими величайшим волшебником современности, Дамблдор особенно известен своим поражением темного волшебника Гиндельвальда в 1945 году, открытием двенадцати применений крови дракона и его работой по алхимии со своим партнером. Николас Фламель!» Он читал. Гермиона ахнула и подбежала к общежитию девушки без каких-либо объяснений, хотя через несколько мгновений вернулась с довольно большой книгой.

«Я знал, что читал это имя раньше! Я проверил это несколько недель назад для небольшого легкого чтения». — Это свет? Рон спросил, когда она захлопнула книгу на столе и открыла ее, начав искать страницы, пока не нашла ту, которую хотела. «Конечно, вот оно: «Николас Фламель — единственный известный создатель философского камня». " — Что? Ни один из мальчиков не знал, о чем она говорит. Гермиона выстрелила в них увядающим взглядом, прежде чем продолжить.

"Философский камень — легендарная субстанция с удивительными способностями. Он может превратить любой металл в чистое золото, и производит Эликсер Жизни, который делает пьющего бессмертным. Единственный камень, существующий в настоящее время, принадлежит г-ну Николасу Фламелю, известному алхимику, который в прошлом году отпраздновал свой 665-й день рождения."

«Это один мощный камень». Рон пробормотал. «Ты думаешь, что это то, что проходит через дверь ловушки?»

«Может быть. Чем еще он известен, Гермиона?» Она просмотрела абзац, прежде чем покачать головой.

«Только как алхимик. Очень талантливый алхимик, известный в алхимических кругах, но Философский камень — единственное, что он сделал, что может

гарантировать такую защиту».

«Тогда это должно быть все». — сказал Гарри. «Дамблдор, должно быть, прячет Философский камень для своего старого друга».

«Но почему? И кому это понравится? А зачем?» Рон задал соответствующие вопросы.

«Богатство». Гермиона предложила. «В конце концов, он может превратить любой металл в золото, и история пронизана историями людей, которые пошли на многое, чтобы найти или

защитить сокровища».

«Эликшер жизни тоже может быть им». — сказал Гарри. «Некоторые люди хотели бы жить вечно». — Но кто? Гарри покачал головой.

«Не знаю. Это может быть кто угодно, но я сомневаюсь, что Дамблдор защищает камень только от широкой публики. Он должен знать, кто за этим следит, и какие неприятности они причинят, если получат его в свои руки».

«Тогда это то, что мы должны сделать дальше». Гермиона была решительной. «Мы должны выяснить, кто ищет камень и почему». — Но как? Спросил Рон, задав вопрос, который, вероятно, доставит им больше всего неприятностей.

<http://tl.rulate.ru/book/61573/2342569>